

Географический фактор территориальной дезинтеграции¹

Алексей Александрович Токарев,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО, Москва.
E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru

На основании исследования выделенных при операционализации 24 показателей проводится сравнительный анализ влияния географического фактора на успешные постсоветские сецессии, поддержанные Россией. Не интересуясь теми политиями, которые выдвигали требования автономизма или же сначала осуществляли выход, но потом были реинтегрированы, автор рассматривает в качестве казусов: непризнанные Приднестровскую Молдавскую Республику, Луганскую и Донецкую Народные Республики, Крым, бывший в марте 2014 г. один день независимым государством, и признанные Абхазию и Южную Осетию. Показатели сгруппированы в операционализации в 4 переменных: 1) наличие общей границы с государством-патроном и её качественные характеристики; 2) специфика границы с материнским государством: естественность vs искусственность; 3) географические аспекты территории сецессии; 4) специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политии. Их исследование позволяет понять, как наиболее постоянные условия сецессии (географические) влияют на её успех, приближают или отдаляют реинтеграцию. Автор принципиально избегает, с одной стороны, природно-географического детерминизма, полагая, что важно не само пространство, а то, как люди его используют. С другой стороны, он игнорирует показатели экономической географии, системно аргументируя тезис о том, что для поддержанных Россией сецессий они были не важны. На основании исследования рассмотренные казусы группируются по вероятному успеху/неуспеху сецессии при возможной редукции (или вовсе исчезновении) поддержки патрона. В первую группу попадают Абхазия и Крым, география которых является надёжным барьером для реинтеграции военным путём материнским государством. Луганская и Донецкая Народные Республики, Приднестровская Молдавская Республика и Южная Осетия относятся ко второй группе, поскольку в случае исчезновения патронажа, что не следует исключать в долгосрочной перспективе, географические условия будут способствовать их реинтеграции, причём необязательно военным путём.

¹ Автор выражает благодарность Николаю Силаеву, Александру Караваеву, Павлу Святенкову, Дмитрию Бавырину, Михаилу Ильину и в особенности Игорю Окуневу и Адлану Маргоеву за ценные критические замечания и помощь в работе над статьёй.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Абхазия, Южная Осетия, сецессия, постсоветское пространство, государство-патрон, де-факто государство, Россия, Молдова, Украина, Грузия.

The role of geography in territorial secession.

Alexey Tokarev, Center for Global Problems of the International Research Institute of MGIMO-University, Moscow, Russia. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

The author conducts a comparative study on successful cases of secession in the post-Soviet area supported by Russia and analyzes the role of geography in these cases based on 24 indicators. Those political entities that initially claimed autonomy or seceded, but later were reintegrated, lie outside of the scope of the study, the following cases being the object of research: unrecognized Transnistria, the Donetsk and Lugansk People's Republics, the Republic of Crimea which was independent for a single day in March 2014, as well as partially recognized Abkhazia and South Ossetia. The 24 indicators are grouped in four variables: 1) common border with the patron-state of the secession and its features; 2) the features of the border with the original state: natural vs. artificial; 3) geographical features of the seceding territory; 4) the features of the dispersal of dominant ethnic group of the seceding entity and that of the titular nation of the original state on the seceding territory. The analysis of these variables helps to understand how geographical conditions influence the outcome of a secession, facilitate or impede reintegration. The author avoids thinking solely in the paradigm of environmental determinism for the way people use space is more important than its features. However, the factor of economic geography is not considered because economic indicators had no significant impact on the outcome of the cases of secession discussed in this paper. These cases are divided into two groups based on the likelihood of their success provided that the patron-state reduces or ceases its support. Abkhazia and Crimea fall into the first group since they are well protected by their geographical features from militarily forced reintegration by the original state. The Donetsk and Lugansk People's Republics, Transnistria, and South Ossetia are placed in the second group because in the long run their geographical features will foster their reintegration with the original state, which does not have to be done applying military force.

Keywords: Transnistria, the Lugansk People's Republic, the Donetsk People's Republic, Abkhazia, South Ossetia, secession, post-Soviet space, patron-state, de facto state, Russia, Moldova, Ukraine, Georgia.

Вданном исследовании мы намеренно не углубляемся в терминологию, описывающую различные виды выхода: автономизм, сепаратизм, ирредентизм, индепендизм [5, с. 80]. Стремление определённой местности выйти из состава материнского государства, обретя над своей территорией не зависящий от него суверенитет (что не исключает полной зависимости от государства-патрона), а также конкретные действия по обеспечению

такого выхода, мы будем называть сецессией. С учётом стартовавшего и ставшего успешным выхода из состава материнских государств во всех трёх случаях, автономизм как разновидность сепаратизма, предполагающая повышение статуса политики без изменения госграниц, будет интересовать нас только в ретроспективе.

Объектом исследования выступают четыре постсоветских случая формирования де-факто государств: на территории Украины, Молдовы и Грузии. Мы принципиально не включаем в сравнительный анализ Нагорно-Карабахскую Республику (НКР), поскольку она выделяется отсутствием мощного патрона, превосходящего по военной силе и государственной мощи в целом материнское государство. Случай НКР (борьба примерно равносильных Армении и Азербайджана), очевидно, не укладывается в логику, когда выход поддерживает Россия. Под успехом сецессии мы понимаем формирование на территории республик, на закате СССР стремившихся к собственному выходу, де-факто государств. Территории, возвращённые в лоно материнских государств (Гагаузия в Молдове, Чечня в РФ, Аджария в Грузии) или стремившиеся к автономизму (Татарстан в РФ, Закарпатье на Украине, Каракалпакстан в Узбекистане), нас не интересуют.

Цель данной работы — в сравнительном анализе рассмотреть пять случаев де-факто государств, объединённых патронажем сецессии со стороны России: Республики Абхазия (РА), Республики Южная Осетия (РЮО)², Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики (Л/ДНР)³, Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), Крыма⁴. Исследовательский вопрос: как влияют географические условия на подобные сецессии? Ответить на него мы предлагаем на основании изучения следующих переменных: 1) наличия общей границы с государством-патроном и её качественных характеристик; 2) специфики границы с материнским государством: естественность vs искусственность; 3) географических аспектов территории сецессии; 4) специфики расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политики.

Переменная 1, на наш взгляд, является основной для успеха сецессии в условиях её поддержки мощным патроном. Чем протяжённее граница,

² Нам, безусловно, известен юридический подход, согласно которому Россия официально признаёт суверенитет Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, установив с ними дипотношения. Однако для понимания общих процессов постсоветского сецессионизма мы рассматриваем РА и РЮО наряду с непризнанными ПМР и Л/ДНР.

³ Несмотря на некоторые различия в отношении формирования идентичности, экономического уклада и внутренней политики, с точки зрения географии имеет смысл рассматривать ЛНР и ДНР как единый регион. Учитывая ещё и их общую границу, считая искусственно разделёнными, особенно — таможенным постом, оправданным исключительно с точки зрения интересов элит каждой из непризнанных республик, в данном исследовании мы будем воспринимать их в качестве одной единицы анализа — Л/ДНР.

⁴ Крым тоже попадает в число субъектов анализа как существовавшее один день в марте 2014 г. независимое государство Республика Крым. Дальнейшая судьба региона, вошедшего в состав России, т.е. реализованный ирредентизм, не является препятствием для включения этого случая в число сецессий, поскольку мы рассматриваем условия, влияющие на их успех.

тем меньше она контролируется материнским государством и тем легче государству-патрону перемещать через неё финансы, товары, технику, оружие и людей. Очевидно, что отсутствие природных барьеров в виде гор или рек облегчает задачу по дестабилизации границы материнского государства. Напротив, их отсутствие при исследовании переменной 2 свидетельствует: сецессия не будет успешна. Искусственность, пролегание границы не по природным барьерам делают её крайне нестабильной. Ещё менее устойчивой она становится в случае несовпадения с административными границами, характерный пример — линия соприкосновения вооружённых сил Украины (ВСУ) и армейского корпуса непризнанных республик как граница между Л/ДНР и Украиной. В случае равнинной территории сецессионистской политики и/или её вытянутости (переменная 3) вероятность успешности реинтеграции военным путём увеличивается. Напротив, горы на территории РА и РЮО, к тому же не являющихся столь легко «перерезаемыми» армией материнского государства, как ПМР в своей середине (ширина страны там составляет всего 3,2 км), препятствуют прекращению сецессии военным путём. Переменная 4 показывает однородность расселения этноса, доминирующего в материнском государстве, которое, как правило, вводит войска на территорию сецессии под предлогом защиты своих граждан (или этнически идентичных индивидов). Аналогичным образом действует и государство-патрон, когда делает границу сопредельного государства проницаемой, обосновывая это защитой интересов сограждан. В обоих случаях распределение двух этносов (или шире — национальных групп) по территории сецессии является критичным для успеха сецессии и развития де-факто государства после того, как она состоялась.

Индикаторы:

1а) Общая граница с патроном проходит по равнинной территории / по горной территории / по морю / отсутствует; 1б) количество официальных пограничных переходов; 1в) наличие автомобильных дорог и их статус; 1г) наличие ж/д; 1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в %; 1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в %.

2а) Граница с материнским государством проходит по реке / по горам / по равнинной местности без природных барьеров / по морю; 2б) в случае наличия природных барьеров существует ли инфраструктура для их преодоления (мосты, тоннели); 2в) наличие автомобильных дорог и их статус; 2г) наличие ж/д; 2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в %; 2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в %.

3а) Территория сецессии преимущественно равнинная/горная; 3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину; 3в) имеет ли сецессия эксклавы⁵, отделённые

⁵ В данном случае термин «эксклав» применяется весьма условно, поскольку природные барьеры в виде рек или гор, отделяющие меньшую часть территории от большей, строго говоря, не являются поводом для того, чтобы считать первую эксклавом, выделяемым в качестве такового, только если территория отделена от основной другими государствами.

природными барьерами; 3г) имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства; 3д) наличие выхода к морю; 3е) наличие портов; 3ж) соотношение сухопутных и морских границ⁶; 3з) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политики в расстоянии от столицы до крайней точки государства в данном направлении де-юре; 3и) соотношение границ с патроном и материнским государством; 3к) соотношение равнинных участков границ с патроном и материнским государством.

4а) Часть территории, в %, занимаемая этносом, титульным для материнского государства; 4б) эта этническая группа расселена равномерно по территории сецессии / сосредоточена на границе с материнским государством.

Отдельные индикаторы требуют пояснения. 1б, 1в, 1г определяют условия, в которых патрон может перемещать через границу различные виды помощи: от финансовой до военной. 1д, 1е: любые конфликты сецессий с материнскими государствами начинаются с применения сухопутной техники и/или легко вооружённых групп людей; авиация, для которой наличие природных барьеров непринципиально, никогда не выступает стартовой силой. Аналогичным образом 2б, 2в, 2г влияют на успех военной реинтеграции со стороны материнского государства. В случае, если 2д и 2е меньше, чем 1д и 1е соответственно, вероятность такого успеха тоже меньше. 3б: чем больше число, тем вытянутее территория, а значит, уязвимее для реинтеграции вооружённым путём (перерезания, создания «котлов», взятия в клещи и т.д.); чем ближе к единице, тем больше она похожа на квадрат/круг и, следовательно, менее уязвима. 3в, 3г: наличие эксклавов сецессий за пределами природных барьеров делает их уязвимыми для боевых действий со стороны материнского государства: в случае вооружённого конфликта они первыми будут возвращены под контроль. Аналогичным образом эксклавы материнского государства, прилегающие к территории сецессии, отделённые от материнского государства природными барьерами, будут первыми заняты войсками сепаратистов в случае эскалации конфликта. 3д, 3е: выход к морю обеспечивает несравнимо большие возможности по сравнению с исключительно сухопутными территориями, поскольку представляет собой ещё один транспортный коридор для организации снабжения с территории патрона. 3ж: чем выше число, тем «более приморским» является государство. 3з: Клайонад Ралех предельно чётко формулирует гипотезу, подтверждённую всеми постсоветскими сецессиями: чем дальше от столицы и чем ближе к госгранице, тем выше риск сецессии [11, р. 390]. Данный индикатор требует рассмотрения не только в количественном, выраженном в км, смысле, но и в качественном, поскольку отображает ещё и пространственную идентичность в рамках центр-периферийных отношений. К примеру, максимальное географическое удаление Донецка от Киева отнюдь не означало, что Донецк

⁶ Последние в данном случае понимаются не в строго юридическом смысле как линия, отложенная от берега на 12 морских миль, а именно как береговая линия.

для своего населения — периферия, напротив, он воспринимался как место формирования особой донецкой идентичности, традиционно преобладающей над украинской. В Харькове, также приграничном регионе, силён нарратив о первой или научной украинской столице. Абхазы традиционно считают своё государство гораздо более древним, чем грузинское. Эти вопросы требуют осмысления в рамках качественного социокультурного исследования. Мы остановимся лишь на географическом аспекте, чтобы проследить дистанцию, которую в каждом конкретном случае нужно преодолеть войскам и приказам из столицы для возможного военного решения проблем с сецессией.

Перед написанием статьи мы попросили старших коллег покритиковать операционализацию. Большинство справедливо указывало на отсутствие экономических переменных и индикаторов, объясняя, что они необходимы в рамках исследования экономической географии (трансграничное сотрудничество между сецессией и материнским государством, малый бизнес, туризм как факторы сецессии, возможное построение гравитационных моделей, описывающих притяжение экономик материнского государства и сецессии, сецессии и патрона, — как исследовательский метод и т.д.). Примат экономических факторов в региональных конфликтах отстаивает Р. Вайранен, рассказывая, как «экономический беспорядок влечёт за собой политическую и культурную нестабильность, так же как и фрагментацию нации-государства» [12, р. 346—347]. Экономическая география крайне важна в гражданских войнах, когда успех противоборства каждой из сторон зависит во многом от имеющихся ресурсов, в т.ч. природных [8, р. 420]. Возможно, подобные воззрения справедливы для других регионов, но точно не для постсоветского пространства. Случаи успешных сецессий, поддержанных Россией, говорят не об обратном, но о принципиально другом: экономика внутри одной и той же сецессии может играть локальную роль, а может и нет. Характерен пример боевых действий вокруг портового и промышленно развитого Мариуполя, когда корпус ДНР не стал продолжать наступление. Ни в одном из случаев постсоветских сецессий, как удавшихся, так и нет, экономика не играла значительной роли, безусловно, находясь в тени вопросов безопасности и применения военной силы патроном / материнским государством / сепаратистами. Экономические связи российско-украинского пограничья, наиболее интенсивные в регионе Белгорода — Харькова, не стали спусковым крючком для создания «Харьковской Народной Республики». На карте потенциала социально-экономических связей белорусско-российско-украинского приграничья в 2013 г. российско-украинская госграница похожа на шов с 26 стежками, отображающими связи приграничных городов (9 на российско-белорусской границе — для сравнения) [1]. В том же году украинские коллеги рассчитывали многомерный индекс социально-экономического развития приграничных регионов России и Украины [2]. Лидерство Крыма, Донецкой и Луганской областей среди украинских регионов, равно как и экономическое сотрудничество не просто на уровне стран, но и в рамках еврорегионов (Днепр, Ярославна, Слобожанщина и Донбасс), не остановили

ни Москву от масштабной поддержки сецессий, ни Киев от начала АТО, ещё больше усугубившей раскол между Донбассом и остальной частью Украины. Наконец, очевидная ориентация ПМР на рынок Европы, дверь в который является Молдова, не влияет на сохранение пророссийских настроений в республике и нежелание реинтегрироваться у значительной части населения, несмотря на четверть века с момента конфликта. В 2016 г., по данным таможенной службы ПМР, страна экспортировала товаров в Россию на \$1,2 млн, а в Европу — на \$11,9 млн [6, с. 35], тем не менее де-факто государство сохраняет свой статус. Мы не берём экономические факторы для исследования не только потому, что его предмет заявлен как география. Во всех постсоветских сецессиях (за исключением НКР) одним из основных акторов была Россия — конкурировать с ней в долгосрочной перспективе не могли ни материнские государства, потерявшие территории, ни субъекты-патроны, «уводившие» территории из РФ. Объективно находясь в принципиально разных весовых категориях с соседями, Россия делает постсоветское пространство уникальным регионом для реализации сецессий, в котором экономика и экономическая география, безусловно, влияют на развитие де-факто государств и их внешних связей, на успех и скорость реинтеграции, но никак не на сам процесс сецессии.

Ни один из факторов не может быть главенствующим для старта сецессии и при определении её успеха. Только совокупность географических, политических, исторических, культурных, лингвистических, иногда личностных условий влияет на выход политики из состава материнского государства. Невозможно создать комплексную работающую прогностическую теорию о распаде государств, следуя за мыслями Р. Коллинза [3, с. 40], постулирующего основные геополитические принципы, по которым происходит сецессия: в одних случаях предсказания (о дескриптивной неточности которых говорит и сам Коллинз) сбудутся, в других — нет. Сколько бы ни говорилось и ни писалось о глубине украинского раскола до событий 2014 г., сколько бы ни существовало объективных условий для выхода юго-востока Украины или Крыма [4] из состава государства, сецессия стала возможна, прежде всего, после захвата здания СБУ в Славянске, что, по признанию руководившего им И.И. Стрелкова, и стало «пусковым крючком войны». Мы имеем возможность лишь приблизиться к указанию тех точек и регионов, в которых сецессия может быть наиболее успешной, а состоявшееся де-факто государство — эффективным. Географический фактор как наиболее постоянный из прочих — самый объективный при изучении феномена сецессий, хотя и не решающий. Мы не склонны придерживаться логики природно-географического детерминизма, соглашаясь с тем, что «географические факты неизменны, в отличие от их значения для политики» [10, р. 29]. Раймо Вайранен остроумно определяет взаимосвязь географии и международных отношений: «...взгляд на территорию женат на социальной динамике» [12, р. 340]. В этом смысле важно не само пространство, а то, как люди его используют. Как пишет Джон Агнью, «пространство — это не только территория, но и структура: регион, субъект, округ» [7, р. 55]. Категории пространства и пространственности рассматриваются в данной

работе и множестве других исследований. В этом смысле учёные и эксперты отходят от строгой физической географии, принимая в качестве объекта различные виды идентичностей. Отреферировавший большой объём литературы о географии и войне Пол Дил заключает: география не определяет жёстко вообще ничего, поскольку «может облегчать течение конфликта, может расширять его и даже сама может быть его источником, поскольку государства воюют за территории» [9, р. 12]. Мы пробуем понять, способствуют ли географические условия сецессии или мешают ей в каждом конкретном случае.

Исследование *первой переменной* («граница с патроном») позволяет выделить наименее успешный для сецессии казус — Приднестровье, что означает также наивысшие шансы на реинтеграцию. Граница с патроном отсутствует, поэтому материнское государство может работать на блокирование границы, причём, это важно подчеркнуть, не своего участка, а внешнего — блокада Украиной приднестровского участка границы осуществлялась несколько раз. Учитывая, что воздушное пространство над ПМР находится в ведении Кишинёва, можно утверждать: казусы, подобные недопуску спецпредставителя российского президента Д.О. Рогозина в августе 2017 г. на территорию ПМР, будут происходить постоянно. Кроме того, Украина, закрывая воздушное пространство для авиации РФ, осложняет способы доставки грузов и людей по воздуху: самолёты молдавских компаний летают в Москву по-прежнему 2 часа, российских — в 2,5 раза больше, поскольку вынуждены облетать территорию Украины. География приднестровской сецессии остаётся наименее благоприятной.

На втором месте с конца находится РЮО, имеющая самую маленькую сухопутную границу с патроном — 16% от общей длины границ. К тому же на границе только один слабо оборудованный многосторонний АПП, а сообщение с патроном происходит через две нитки Рокского тоннеля, блокировка которого приведёт к моментальной потере единственного наземного участка, — остальные 74 км границы с Россией проходят по Большому Кавказскому хребту. Отсутствие ж/д сообщения исключает возможность быстрой и масштабной переброски военных эшелонов.

Напротив, наличие ж/д сообщения позволило патрону в 2008 г. направлять военные эшелоны по Северо-Кавказской железной дороге через формально российско-грузинскую границу в Абхазию. Несмотря на лишь два пропускных пункта, железнодорожный и многосторонний автомобильный, пролегание 60 км границы по реке Псоу и далее почти 200 км — по Большому Кавказскому хребту (всего 61% границ с патроном), можно сказать, что экономическая география спасает абхазскую сецессию много лучше физической. Крупнейший транспортно-пересадочный узел «Адлер» (ж/д вокзал, автостанция, аэропорт), подведённая к границе федеральная магистраль (в отличие от осетинского казуса с дорогой республиканского значения), введённая в 2013 г. недалеко от границы с энергодефицитной Абхазией, зависящей от Ингурской ГЭС, Адлерская ГЭС — всё это облегчает сецессию.

Случай Крыма стоит особняком, поскольку отсутствие сухопутной границы с патроном, автомобильного и ж/д сообщения с ним не стали препят-

ствием для сецессии, поддержанной масштабным участием транспортной и боевой авиации. Существовавшие четыре официальных морских пропускных пункта, береговая линия в 980 км, ещё бóльшая госграница (с отступлением в море на 22,5 км от берега) делали Крым открытым. В данном случае море стало природным барьером, но не для патрона, а для материнского государства.

Наконец, граница Л/ДНР и России представляет собой идеальный случай для поддержки сецессии. 12 официальных на момент начала сецессии пунктов пропуска, из них четыре морских, десять трансграничных дорог, из которых два — европейские маршруты, а один — федеральная магистраль, четыре ж/д ветки, позволяющие транспортировать военные эшелоны, одна из наибольших долей границ с патроном в их общей длине (47%), 100% пролегания границ с патроном по полевой равнине без явных природных барьеров (небольшие реки Северский Донец или Деркул легко обходимы, лесные массивы практически отсутствуют).

Вторая переменная («граница с материнским государством») позволяет исследовать географические условия для реинтеграции. Наибольшая вероятность таковой прослеживается в случае Л/ДНР. Максимальная искусственность границы, не обусловленная ничем (ни природными барьерами: едва ли не единственный значимый рубеж — Павлопольское водохранилище на юге ДНР, ни административными, лингвистическими или этническими границами), кроме ситуативного завершения противостояния на момент подписания «Минска-2», — основное условие успешной реинтеграции. Ему сопутствуют разветвлённая ж/д сеть промышленного Донбасса, плотность которой значительно выше, чем на участке границы с патроном, 23 дороги, проходящие сквозь искусственную границу, те же поля на равнине, не препятствующие передвижению тяжёлой техники, что и на границе с патроном. Все эти географические показатели, безусловно, будут работать на реинтеграцию военным путём. Случай Л/ДНР, как и приднестровский казус, показателен существованием всей территории сецессии на равнине, являющейся сквозной для патрона и материнского государства. Искусственность границы, выраженная в несовпадении линии фронта с любыми устоявшимися барьерами, препятствует определению того, что Ф.А. Попов называет зоной распространения сецессионизма — «территории, выход которой из состава государства является целью сецессионистского движения...» [5, с. 41]. На протяжении последних трёх лет руководители, официальные спикеры и лидеры общественного мнения Л/ДНР называли диаметрально противоположные цели, которых они пытаются добиться: от «дойдём до Киева» и объявления институционализации Новороссии как региона шести областей юго-востока Украины до Малороссии, заявленной летом 2017 г. и самой географически скромной цели — «дойдём до границ областей».

В РЮО примерно половина границы с Грузией не имеет природных барьеров и проходит по сёлам (единственное отличие от казуса Л/ДНР — совпадение с административными границами Юго-Осетинской АО в советский период). Разделение населённых пунктов враждующими способствует

постоянному изменению границы, что раздражает обе стороны, особенно грузинскую (грузинские чиновники неоднократно высказывали автору своё неудовольствие передвиганием границы, называя его одним из основных раздражителей в российско-грузинских отношениях). Единственная автомагистраль, ведущая в Цхинвал, неподдающееся подсчёту количество просёлочных дорог и, главное, искусственность границы в долгосрочной перспективе будут способствовать реинтеграции. Сама граница крайне изрезана, что очевидным образом создаёт предпосылки для спрямления. К примеру, протяжённость юго-осетинской границы — 465 км, а абхазской в сухопутной части — 418 км, несмотря на то, что РА превосходит соседа по площади более, чем в два раза, имея при этом более прямые линии сухопутных границ.

Половина границ ПМР — это соприкосновение с территорией Молдовы. Здесь важно отметить символическое отсутствие молдо-приднестровской границы (обозначаемой на разных участках одним-двумя полицейскими, избирательно проверяющими документы) и, напротив, присутствие таможенных и пограничных постов со всеми сопутствующими процедурами на приднестровско-молдавской границе по всей её длине. Семь мостов, десять дорог, из которых два европейских маршрута, две ж/д ветки, идущие из Молдовы на территорию ПМР, нивелируют значение Днестра как природного барьера. Река перестаёт быть значимым географическим рубежом и становится, скорее, символом, обозначающим границу.

Наиболее успешно природа поработала над границами РА и Крыма. Мост через Керченский пролив с двумя нитками ж/д и четырёхполосным движением автомобилей станет безусловной альтернативой трём дорогам и двум ж/д веткам, ведущим на полуостров из Украины через узкий 8-километровый перешеек. В абхазском случае река Ингури (в абхазской версии Ингур) отделяет Грузию не столько символически, сколько физически: единственный мост через неё находится в плачевном состоянии, ж/д сообщение давно прервано, а 39% общей длины границ — с материнским государством, что является самым низким показателем, — проходят по горам. С других сторон Абхазия, как и Крым, защищена морем, которое в краткосрочной перспективе, безусловно, является препятствием для материнских государств в процессе реинтеграции. Пять морских портов Крыма делают его ещё более устойчивой частью российского пространства через усиление торговых потоков. Четыре абхазских порта существуют в природе в принципе с оговорками, но в случае модернизации также способны усилить устойчивость де-факто государства.

Третья переменная («географические аспекты территории сецессии») позволяет вновь идентифицировать ПМР как наименее вероятный случай долговременного де-факто государства. Во-первых, это самая вытянутая из всех рассматриваемых сецессий территория с показателем в 4,2: на 230 км длины приходится лишь 55 км ширины (к тому же это максимальный показатель, в среднем ширина ПМР составляет 25—30 км). Во-вторых, примерно в середине страна имеет молдавские анклав — сёла в Дубоссарском районе, фактически разрезающие её клином. Собст-

венно территория ПМР между молдавской и украинской границами располагает лишь 3,2 км. В-третьих, единственный из всех сецессий эксклав также расположен в ПМР — второй по величине город Бендеры находится на правом берегу Днестра, т.е. река не является барьером, ограждающим его от основной молдавской территории. Бендеры и был центром противостояния с 1992 г. с молдавскими националистами и полицейскими. Наконец, наравне с РЮО ПМР является наименьшей периферией: удалённость Тирасполя от Кишинёва составляет лишь 72% от расстояния от Кишинёва до границы.

В РЮО этот показатель равен 70%. Кроме того, РЮО имеет наихудшее соотношение границ с патроном против границ с материнским государством из всех: 16 против 84%, а также наибольший разброс в соотношении их равнинных участков: 0 против 114 км границ с Грузией. Единственное положительное качество территории для сохранения сецессии — её форма. С показателем соотношения крайних точек в 1,2 это де-факто государство занимает второе место после почти овальной Л/ДНР.

Показатель 1,1 у Донбасса наилучший в сравнении с рассматриваемыми казусами. Сецессию также облегчает выход к морю, полученный в 2014—2015 гг. в результате ожесточённых сражений. В отличие от «природно приморских» Абхазии и Крыма, в отношении границ которых особых споров не было (исключение — Кодорское ущелье в первом случае и коса Тузла во втором), Л/ДНР имеет наихудшее соотношение морских границ с сухопутными: 0,08 (обладающая длиной береговой линии примерно в половину от сухопутных границ Абхазия имеет показатель 0,5, похожий на остров Крым — 123 — во столько раз его сухопутные границы короче береговой линии). Донецк с 88% и Луганск с 93% расстояния от столицы до крайней точки на границе в смысле периферийности уступают только Крыму (94%), имеющему к тому же показатель 1,6 отношения длины к ширине. Вероятно, единственным фактором, способным затруднить сецессию, можно считать часть Херсонской области, расположенную на Арабатской стрелке, вплотную тянущейся вдоль северо-восточного побережья Крыма.

За исключением полуострова, РА с показателем длины к ширине в 1,9, отличным соотношением границ патрона и материнского государства (61/39%), отделённая от последнего горами и рекой без мостовой инфраструктуры, имеющая периферийную столицу (Сухум лежит в 80% расстояния от Тбилиси до крайней точки в этом же направлении) и единственный грузинский эксклав между собственной границей и Ингури — село Ганарджиис-Мухури, является отлично подготовленной к сецессии самой природой.

В отношении *четвёртой переменной* («специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политики») Абхазия стоит особняком по сравнению с прочими сецессиями, поскольку является национальным государством: осетины стремятся к воссоединению (для РЮО это долгосрочная стратегия не сецессии, а ирредентизма — присоединения к РФ), ПМР пытается создать гражданскую нацию «приднестровцы» вне этнического компонента русских, молдаван или украинцев, в Л/ДНР этнический, религиозный и лингвистический

факторы конфликта отсутствуют в принципе, в Крыму украинцы и крымские татары не являются монолитными группами и могут быть лояльны как Украине, так и России. Проще говоря, абхазы — единственный этнос, у которого нет государственной формы территории, кроме той, где они реализуют сецессию. К тому же абхазы являются вторым-третьим меньшинством у себя в стране (эти данные противоречат официальной статистике, согласно которой абхазов в республике 51%), уступая армянам и русским, что заставляет их реализовывать этнократическую модель правления.

Из всех пяти случаев этнические меньшинства материнских государств в Крыму (крымские татары и украинцы), Л/ДНР (украинцы), Абхазии (грузины/мегрелы), Южной Осетии (грузины Ленингорского (в грузинской версии — Ахалгорского) района) могут быть агентами значимых изменений, что, повторимся, не детерминируется их этнической принадлежностью. Молдаване в ПМР интегрировались в национальное сообщество. На наш взгляд, создать ясную операционализацию, позволяющую предсказать уровень сепаратизма этнических меньшинств, желающих вернуться в состав материнского государства, невозможно. Прежде всего потому, что в условиях сложной политической обстановки внутри регионов, осуществляющих сецессию, правдивые ответы социологам относительно намерений по реинтеграции могут влиять на безопасность респондентов. Другими же методами, не предполагающими количественную репрезентативную социологию, исследовать массовое сознание сложно — в таком случае могут быть выявлены массовые стереотипы, например, о том, что антироссийский Меджлис выступает от имени всех крымских татар.

Рассмотренные нами сецессии устойчиво делятся на две группы. ПМР, РЮО и Л/ДНР относятся к тем, которых сама география толкает к реинтеграции. В случае изменения политических условий (вывода баз из ПМР и РЮО, передачи контроля над границей Украине на участке в Л/ДНР), т.е. прекращения масштабной поддержки патрона, в краткосрочной перспективе эти сецессии с высокой вероятностью завершатся неудачей. Отсутствие общей границы с патроном, наличие бендерского эксклава, превращение Днестра из естественного барьера в символический благодаря многим мостам и невероятная растянутость легко перерезаемой посередине территории ПМР; единственный, быстро блокируемый тоннель как связь с Россией и расположение территории по одну сторону гор с материнским государством, на равнине вообще не делимитирующим территорию РЮО; отсутствие природных барьеров, широчайшая сеть дорог, полная искусственность созданной границы Л/ДНР и Украины — все эти черты будут способствовать тому, что без патрона данные сецессионистские проекты в постоянных географических условиях вернуться в международно признанные границы. Единственное географическое преимущество ПМР — некомпактное расселение молдаван по всей территории и их включённость в национальный проект. Сюда же стоит отнести и Крым с Л/ДНР — по критерию плавности расселения в большей степени, по критерию включённости в национальные сообщества украинцев и крымских татар — в меньшей, упомянув, что в обоих случаях этничность не может быть основанием для

Таблица 1

Эмпирическая операционализация географического фактора постсоветских сецессий

Переменные	Индикаторы	РА	РЮО	Крым	ПМР	Л/ДНР
1) граница с патроном	1а) проходит по равнине / по реке / по горной территории / по морю / отсутствует	по реке, по горам	по горам	по морю	отсутствует	по равнине
	1б) количество официальных пограничных переходов	2 (1 ЖДПП, 1 МАПП. Ве- сёлое — Гяч- рышш и Ад- лер — Псоу)	МАППП Нижний Зарамаг	4 морских (Темрюк, Тамань, Кубань, Кавказ)		12 (4 морских (Азов, Таганрог, Ейск, Ростов), 7 МАПП, 1 ДАПП)
	1в) наличие автомобильных дорог и их статус	1 — А147 — часть федера- льной М-4	1 — региональная Р297	нет**		10 (2 европей- ских маршрута (Е58, Е50), од- на федеральная М-21)
	1г) наличие ж/д	1	нет	нет**		4
	1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в км и %	255/418 61%	74/465 16%	0/980*		360/520 50%
	1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в %	0/255 0%	0/74 0%	0/0		360/360 100%

Продолжение табл. 1

Переменные	Индикаторы	РА	РЮО	Крым	ПМР	Л/ДНР
2) граница с материнским государством	2а) проходит по равнине / по реке / по горам / по морю	по реке, по горам	по равнине, по горам	по равнине, по морю	по реке	по равнине
	2б) трансграничные мосты, тоннели	1 мост	нет	нет	7 мостов	нет
	2в) наличие автомобильных дорог и их статус	1 европейский маршрут Е97	13 (большинство республиканского значения, 1 автомагистраль, количество просёлочных не поддается точному подсчёту)	3 (2 европейских маршрута (Е105, Е97) и местная Т2202)	10 (2 европейских маршрута (Е581 и Е584), 1 автомагистраль М4 и 7 республиканских)	23 (2 европейских маршрута (Е50 и Е58), несколько автомагистралей и дорог республиканского значения, множественных)
	2г) наличие ж/д	нет	нет	2	2	10
	2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в %	163/418 39%	391/465 84%	8/8 100%	411/816 50%	360/764 47%
	2е) доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в %	0/163 0%	114/391 29%	8/8 100%	411/411 100%	360/360 100%

3) географические аспекты территории сецессии	3а) преимущественно равнинная/горная	горы	горы	горы	горы	равнина	равнина	равнина
3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину, в км	178/95 1,9	99/83 1,2	325/200 1,6	230/55 4,2	210/190 1,1			
3в) наличие эксклавов, отделённых природными барьерами	нет	нет	нет	Бендеры	нет			
3г) наличие материнских эксклавов («анклавов» по отношению к де-факто государству) непосредственно на границах сецессии	Ганарджис-Мухури	множество грузинских сёл	Херсонская область на Арабатской стрелке	сёла в Дубоссарском районе	нет			
3д) выход к морю	да	нет	да	нет	да			
3е) наличие портов	4		5		0			
3ж) соотношение морских и сухопутных границ	215*/418 0,5		980*/8 123		44*/764 0,06			
3з) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политики в расстоянии от столицы до крайней точки государства де-юре в данном направлении	351/440 80%	90/128 70%	668/713 94%	65/90 72%	Донецк: 594/675 88% Луганск: 670/718 93%			
3и) соотношение границ с патронном и материнским государством, в %	61/39	16/84	—	отсутствует	50/50			
3к) соотношение равнинных участков границ с патроном и материнским государством, км	0/0	0/114	8/0		360/360			

Окончание табл. 1

Переменные	Индикаторы	РА	РЮО	Крым	ПМР	Л/ДНР
4) специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политики	4а) доля титульного этноса материнского государства, в % 4б) специфика его расселения	19,2 компактно в Гальском районе (99% от общей численности)	7,4 компактно в Ахалгорском районе (55% от общей численности)	15 и 10 украинцы и крымские татары — по всей территории	32 по всей территории	52*** по всей территории

* В данном случае речь идёт не о морской границе, а о длине береговой линии. Морская граница гораздо длиннее, поскольку отстоит на 22,5 км от берега.

** Мост через Керченский пролив, который будет открыт для автомобильного движения в 2018 г., для ж/д — в 2019 г., не учитывается, поскольку отсутствовал при старте сецессии.

*** По данным украинской переписи 2001 г., не учитывающей около 1,7 млн уехавших, — анализ их по этническому составу не проводился.

подозрений в стремлении к реинтеграции. Обе кавказские сецессии объединены, во-первых, компактностью проживания грузин, во-вторых, наличием подобных районов на границах сецессий и материнских государств, что в условиях низкого уровня интеграции грузин в национальные сообщества создаёт определённые риски.

Крым и Абхазия образуют вторую группу — территории, которым география, безусловно, помогает реализовывать сецессию (в крымском случае — ирредентизм). Отделённая от Грузии рекой и горами, имеющая длинную границу с патроном и высокий уровень развития российской инфраструктуры на пункте пропуска Абхазия даже при изменении военно-политических условий, наверняка, останется де-факто государством, а Крым, даже в случае снижения финансовых потоков из России, надёжно связанный с ней мостом, сохранится как часть, продолжающая её административное пространство. Смогут ли Грузия и Украина настолько усилить свои флоты, чтобы сделать Чёрное море из естественного препятствия для реинтеграции искусственным условием её — вопрос риторический.

Перед началом исследования мы предполагали более высокую степень географического детерминизма, чем можем наблюдать в конце. Тезис «важно не пространство само по себе, а то, как люди его используют» в случае постсоветских сецессий подтверждается полностью. Казалось бы, в трёх случаях природа была, безусловно, против выхода Крыма, ПМР и РЮО из состава своих государств. У первого отсутствовала сухопутная граница с Россией, но помогла авиация, у второй не было границы с РФ вообще, но долгие годы дипломатия на украинском направлении позволяла сохранять территорию для транзита, третью же сами горы «подталкивают» в лоно Грузии, но их «натиск» подпирал российская военная база. Постсоветские сецессии явно выделяются патронажем Москвы, которая, когда это соответствует её интересам (или тому, что под ними понимают правящие элиты), прежде всего решает вопросы стратегической безопасности и лишь потом смотрит на карту.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Атласная информационная система российско-украинского приграничья / В.А. Колосов, Л.Г. Руденко, В.С. Тикунов, А.А. Герцен, Е.Д. Головина, М.В. Зотова, А.С. Себенцов // INTERCARTO.MSU.RU: сайт материалов международной конференции «ИнтерКарто/ИнтерГИС». URL: <http://intercarto.msu.ru/jour/article/view/39> (дата обращения: 26.09.2017).
2. Голиков А.П. Экономика еврорегиона «Слобожанщина»: региональная диагностика // Научные ведомости Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). С. 29—36.
3. Коллинз Р. Макросоциологическое предсказание: пример коллапса СССР // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 35—52.
4. Миллер А.И. Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 4. С. 109—124.

5. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
6. Токарев А., Бороденко М. Режим ожидания // Коммерсантъ. Власть. 2017. № 7. С. 30—37.
7. Agnew J. The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory // *Review of international political economy*. Spring, 1994. Vol. 1. 1. P. 54—80.
8. Bunaug H. The geography of Civil war // *Journal of peace research*. 2002. Vol. 39. № 4. P. 417—433.
9. Diehl P. Geography and war: a review and assessment of the empirical literature // *International interactions*. 2008. Vol. 17. № 1. P. 11—27.
10. O'Loughlin J. Bringing geography back to the study of international relations // *International interactions*. 2008. Vol. 17. № 1. P. 29—61.
11. Raleigh C. Seeing the forest for the trees: does physical geography affect a state's conflict risk? // *International interactions*. 2010. 36:4. P. 384—410.
12. Vayrynen R. Regional conflict formations: an intractable problem of international relations // *Journal of peace research*. 1984. Vol. 21. № 4. P. 337—359.

REFERENCES

1. Atlasnaja informacionnaja sistema rossijsko-ukrainskogo prigranich'ja [Atlas information system of Russian-Ukrainian borderland]. *Proceedings of the International conference "InterCarto/InterGIS"*, 2014. Available at: <http://intercarto.msu.ru/jour/article/view/39> (accessed 26.09.2017). (In Russ.)
2. Golikov A. Jekonomika evroregiona "Slobozhanshhina": regional'naja diagnostika [The Economy of Euroregion "Slobozhanschina": regional diagnostics]. *Nauchnye vedomosti Har'kovskogo nacional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*, 2013, no. 1 (144), pp. 29—36. (In Russ.)
3. Collins R. Makrosociologicheskoe predskazanie: primer kollapsa SSSR [Prediction in macro-sociology: the case of the soviet collapse]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2008, no. 4, pp. 35—52. (In Russ.)
4. Miller A.I. Gosudarstvo i nacija v Ukraine posle 2004 g.: analiz i popytka prognoza [State and nation in Ukraine after 2004: analysis and attempt to predict]. *Politicheskaja nauka*, 2008, no. 4, pp. 109—124. (In Russ.)
5. Popov F.A. *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in the modern world], Moscow, Noviy Khronograf Publ., 2012, 672 p. (In Russ.)
6. Tokarev A., Borodenco M. Rezhim ozhidaniya [Standby mode]. *Kommersant. Vlast'*, 2017, no. 7, pp. 30—37. (In Russ.)
7. Agnew J. The territorial trap: the geographical assumptions of international relations theory. *Review of international political economy*, Spring 1994, vol. 1, 1, pp. 54—80. (In Eng.)
8. Bunaug H. The geography of Civil war. *Journal of peace research*, 2002, vol. 39, no. 4, pp. 417—433. (In Eng.)
9. Diehl P. Geography and war: a review and assessment of the empirical literature. *International interactions*, 2008, vol. 17, no. 1, pp. 11—27. (In Eng.)
10. O'Loughlin J. Bringing geography back to the study of international relations. *International interactions*, 2008, vol. 17, no. 1, pp. 29—61. (In Eng.)
11. Raleigh C. Seeing the forest for the trees: does physical geography affect a state's conflict risk? *International interactions*, 2010, 36:4, pp. 384—410. (In Eng.)
12. Vayrynen R. Regional conflict formations: an intractable problem of international relations. *Journal of peace research*, 1984, vol. 21, no. 4, pp. 337—359. (In Eng.)